

КИЕВСКАЯ РУСЬ

борис Греков

Грозная Киевская Русь

Киевская Русь

Борис Греков

Грозная Киевская Русь

«Алисторус»

2012

Греков Б. Д.

Грозная Киевская Русь / Б. Д. Греков — «Алисторус»,
2012 — (Киевская Русь)

Советский историк, академик Борис Дмитриевич Греков (1882-1953) в своем капитальном труде по истории Древней Руси писал, что Киевская Русь была общей колыбелью русского, украинского и белорусского народов. Книга охватывает весь период существования древнерусского государства – от его зарождения до распада, рассматривает как развитие политической системы, возникновение великокняжеской власти, социальные отношения, экономику, так и внешнюю политику и многочисленные войны киевских князей. Автор дает политические портреты таких известных исторических деятелей, как святой равноапостольный князь Владимир и великий князь Киевский Владимир Мономах. Читатель может лучше узнать о таких ключевых событиях русской истории, как Крещение Руси, война с Хазарским каганатом, крестьянских и городских восстаниях XI века.

© Греков Б. Д., 2012

© Алисторус, 2012

Содержание

I. Предварительные замечания	5
II. Место сельского хозяйства в хозяйственной системе Древней Руси	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Борис Дмитриевич Греков

Грозная Киевская Русь

I. Предварительные замечания

Чем объяснить хорошо известный факт, что русский народ в своем былинном эпосе отводит самое видное место именно Киевскому периоду своей древней истории?

Это не может быть случайностью. Народ, переживший на протяжении своей истории много тяжелых и радостных событий, прекрасно их запомнил, оценил и пережитое передал на память следующим поколениям. Былины – это история, рассказанная самим народом. Тут могут быть неточности в хронологии, в терминах, тут могут быть фактические ошибки, объясняемые тем, что опозитизированные предания не записывались, а хранились в памяти отдельных людей и передавались из уст в уста, но оценка событий здесь всегда верна и не может быть иной, поскольку народ был не простым свидетелем событий, а субъектом истории, непосредственно творившим эти события, самым непосредственным образом в них участвовавшим:

Порой историк вводит в заблужденье,
Но песнь народная звучит в сердцах людей¹.

Звучит потому, что она правдива и искренна, потому, что это голос подлинной жизни.

Л. Майков, в своей специальной работе «О былинах Владимиров цикла»² совершенно правильно отметил, что русский народный эпос по своему содержанию соответствует нескольким, постепенно сменявшимся периодам исторической жизни и отражает в себе более или менее полно быт и понятия каждого периода. Тот же автор отметил, что только Киевский период своей истории народ заполнил героями-богатырями³.

В.О. Ключевский в своем курсе русской истории тоже подчеркнул это специфическое отношение былинного эпоса к Киевскому периоду. Он совершенно верно подметил, что народ помнит и знает старый Киев с его князьями и богатырями, любит и чтит его, как не любил и не чтит он ни одной из столиц, сменивших Киев.

Глубоко прав и Байрон, указывая на то, что историк чаще вводит в заблуждение, чем народная песня. Это положение легко продемонстрировать хотя бы на примерах только что процитированных двух историков.

Л. Майков думает, что былины вспоминают «Киевский удельный период Древней Руси в том цикле, который группируется около Владимира», и «умалчивают о междоусобиях между князьями» в то время, как «по летописям именно удельные распри и были главными причинами княжеских переездов и войн»⁴.

Ключевский говорит о том, что «в старой киевской жизни было много неурядиц, много бестолковой толкотни; «бессмысленные драки княжеские», по выражению Карамзина, были прямым народным бедствием»⁵, т.е. и Ключевский, так же, как и Майков, не отделяет периода существования Киевского государства от периода феодальной раздробленности.

В былинах этого смешения нет.

---

¹ Байрон. Паломничество Чайльд-Гарольда.

² А. Майков. О былинах Владимиров цикла. СПб., 1863.

³ «Напротив того, герои других циклов почти никогда не называются богатырями». Ук. соч., с. 1. Примечание.

⁴ Л. Майков. Ук. соч., с. 1 и 62.

⁵ В.О. Ключевский. Курс русской истории, часть I, с. 204.1937.

Народ более точно наметил основные вехи периодизации своей истории. Не бестолковую толкотню и бессмысленные драки воспевал он в своих былинах. Время непрерывных феодальных войн, время «всеобщей путаницы» наступило позднее, и в былинах этот период не отражен: героев-богатырей тогда уже не стало. Этот период нашей истории нашел свою оценку не в былинах.

В знаменитом «Слове о полку Игореве» мы читаем следующие правдивые и яркие строки: «Тогда при Ользе Гориславичи сеяшется и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Даждобожа внука, в княжих крамолах веци человеком скратишась. Тогда по Русской земли редко ратаеве кикахуть, но часто врани граяхуть, трупиа себе деляче, а галици свою речь говоряхуть, хотять полетети на уедие». «А погании со всех стран прихождаху с победами на землю Русскую»⁶. Так же смотрел на дело и летописец XII века, сравнивая свое настоящее с недавним прошлым: «... древнии князи и мужи их... отбораху русския земли и ины страны придаху под ся», а сейчас «за наше несытьство навел Бог на ны поганые, а и скоты наши и села наши и имения за теми суть»⁷.

И автор «Слова о полку Игореве», и летописец одинаково осуждают период разрозненного существования частей еще недавно единого, хотя, как оказалось, и непрочного Киевского государства. Народ в своих оценках событий прошлого выделил не этот период непрерывных междукняжеских войн и слабости перед врагом внешним, а время Киевского государства как время своего величия и силы. Народные симпатии отнесены к тому времени, когда русская земля, собранная под властью первых киевских князей из разнородных этнографических элементов в одно политическое целое, действительно представляла силу, грозную для врагов и в то же время дававшую возможность развитию мирного народного труда, – залог дальнейшего будущего страны.

Под Киевским периодом истории ни в коем случае нельзя разуметь период уделов с его разобщенностью отдельных княжений и княжескими усобицами, как это делают и Л. Майков, и отчасти В.О. Ключевский. Время уделов нельзя называть Киевским хотя бы по той причине, что Киева как политического центра уже тогда не было, он ступшевался и решительно затерялся среди других местных центров. Напрасно В.О. Ключевский думает, что это было время, когда «киевлянин все чаще думал о черниговце, а черниговец о новгородце и все вместе – о Русской земле, об общем земском деле». На самом деле эти отношения между уделами складывались совсем не так. Совсем не такую картину рисует нам глубокий знаток современных ему политических отношений, великий наш поэт, автор «Слова о полку Игореве»; летописные факты тоже говорят совершенно о другом. Если можно говорить в это время о единстве русского народа, то лишь только в смысле этническом. Политического единства, хотя бы в относительной форме Киевского государства, в это время уже не было.

Все симпатии народа, выраженные им в былинах, относятся именно к Киевскому государству, к моменту его расцвета, т.е. к княжению Владимира Святославича.

Чтобы убедиться в этом, стоит только взять в руки былины о главных русских богатырях – Илье Муромце, Добрыне Никитиче, Алеше Поповиче и др. Все они современники князя Владимира, все они так или иначе с ним связаны, вместе с ним успешно выполняют основную задачу – защиту своей родной земли от внешнего врага. А почему это так, почему народ с явными симпатиями отнесся к этому времени, станет нам ясно, если мы дадим себе труд сопоставить условия жизни русского народа периода до образования Киевского государства со временем существования этого государства.

---

⁶ Слово о полку Игореве. Л.: Academia, с. 68.

⁷ Новгородская I летопись, с. 2.1888.

«Славяне и анты, – говорит Прокопий, – не управляются единым представителем власти, но с давних времен живут в демократии, и потому у них всякие дела решаются сообща»⁸. То же подтверждает и Маврикий Стратег. Этот последний нам особенно интересен потому, что изучает славян с определенной целью: он интересуется их военной силой с тем, чтобы сделать отсюда ряд практических выводов для Византийской империи. Он пишет: «Они не имеют правления и живут во вражде между собою; у них много начальников, которые не живут в мире, поэтому полезно некоторых из них привлекать на свою сторону обещаниями или подарками, особенно соседних к границе, и при их помощи нападать на других»⁹. Маврикий советует далее принимать меры к тому, чтобы славяне не объединились под одной властью, так как такое объединение, несомненно, усилит мощь славян и сделает их не только способными к самозащите, но и опасными для соседей, и прежде всего для самой Византии.

Киевское государство как раз и осуществило то, чего так боялся византийский политик. Под власть Киева были втянуты все восточнославянские и многие неславянские племена. Киевское государство стало обороноспособным в полной мере и грозным для своих соседей. Вражда племенных вождей прекратилась, появились условия для дальнейшего развития страны. Это, несомненно, важное достижение. Русский народ не случайно так хорошо запомнил этот период своей истории.

Очень важно обратить внимание еще на одно обстоятельство: былины Владимирова цикла, т.е. былины о Киеве и Киевском периоде истории нашей страны, сохранены для нас не украинским, а великорусским народом. Они поются в бывших Архангельской, Олонецкой и Пермской губерниях, в Сибири, в Волжском низовье, на Дону, т.е. там, где русскому народу жилось легче, где гнет крепостного права был слабее либо его совсем не было. И этот интерес к своему далекому прошлому среди великорусского народа, эта заслуга сохранения ценнейших и древнейших фактов из жизни народной говорит нам о том, что киевская история не есть история только украинского народа. Это период нашей истории, когда складывались и великорусский, и украинский, и белорусский народы, период, когда выковалась мощь русского народа, период, который, по выражению Ключевского, стал «колыбелью русской народности». Совсем не случайно Илья, крестьянский сын из села Карачарова близ города Муром, идет через «Вятические леса», преодолевая все опасности, в стольный Киев-град к кн. Владимиру. Несмотря на имеющиеся в нашей литературе попытки представить дело иначе и в Муроме видеть черниговский город Моровск, а в селе Карачарове – черниговский же город Карачев, былинная правда остается непоколебленной и подтверждается новыми соображениями. Соловей-разбойник, его товарищ Скворец, Дятловы горы, на которых построен был мордовский город Ибрагимов, или Абрамов, разрушенный в начале XIII в. и замененный русским городом Нижним (Горький), – все это говорит о мордовских родах, носивших названия от имен птиц. В Мордовской земле мы очень рано видим славянские поселения и среди них город Муром, один из старейших городов. Связь этого края с Киевом несомненна. Она подтверждается и летописными данными.

Итак, Киев – центр большого государства. Власть Киева простиралась на далекие пространства вплоть до бассейна Оки и Волги. Это целый период в истории последующих государств Восточной Европы.

История Киевского государства – это не история Украины, не история Белоруссии, не история Великороссии. Это история государства, которое дало возможность созреть и вырасти и Украине, и Белоруссии, и Великороссии. В этом положении весь огромный смысл данного периода в жизни нашей страны.

---

⁸ *Procopii. De bello Gotico*, III, 14.

⁹ *Mauricii. Strategici*, XI, 5.

Само собой разумеется, что политические успехи народов, вошедших в состав Киевского государства, – и прежде всего восточных славян, т.е. народа русского, которому бесспорно принадлежала в этом процессе ведущая роль, – стали возможны только при известных условиях внутреннего их развития. Было бы очень наивно думать, что объединение восточного славянства и неславянских народов под властью Киева есть результат какого-либо внешнего толчка.

Прежде чем произошло это объединение, народы нашей страны успели пережить очень многое, успели достигнуть значительных результатов в области экономики и общественных отношений.

Все эти проблемы экономического, общественного и политического развития восточно-европейских народов, и прежде всего восточного славянства, сложные и трудные, совершенно естественно всегда привлекали внимание всех интересовавшихся историей нашей страны, а сейчас они поставлены перед нами с еще большей остротой. Их актуальность не требует доказательств: без решения этих задач нельзя получить правильного представления о русском историческом процессе в целом.

Факт серьезных разногласий между исследователями этих вопросов объясняется, прежде всего, тем, что для столь отдаленной от нашего времени поры в нашем распоряжении имеются либо скудные, либо неясные и неточные сведения. С другой стороны, все эти вопросы, несмотря на то, что они касаются такого отдаленного от нас времени, имеют и имели не только чисто академическое значение, и поэтому вокруг них шла острая борьба, обусловленная национальными и политическими позициями участвовавших в ней лиц. Отсюда неизбежны различные подходы к фактам, самый выбор фактов и их трактовка.

С тех пор, как эти вопросы сделались предметом научного (даже в самом широком и расплывчатом понимании термина) исследования, они стали вызывать бурный интерес и восприняты были с большой горячностью. Труд акад. Мюллера «О происхождении имени и народа Российского» (где автор, несомненно, позволил себе умалить роль русского народа в образовании государства и его древней истории) Ломоносов встретил более чем энергичным отпором. «Сие так чудно, – пишет Ломоносов, – что если бы г. Мюллер умел изобразить живым штилем, то бы он Россию сделал толь бедным народом, каким еще ни один и самый подлый народ ни от какого писателя не представлен»¹⁰.

Тот же, по сути дела, стиль полемики мы можем встретить и позднее. В 70-х годах XIX в. у Геденова, автора книги «Варяги и Русь», вырываются по адресу норманистов далеко не спокойные фразы: «Неумолимое норманнское veto, – пишет он, – тяготееет над разъяснением какого бы то ни было остатка нашей родной старины». «Но кто же, какой Дарвин вдохнет жизнь в этот истукан с норманнской головою и славянским туловищем?»¹¹ Подобных примеров можно привести много.

Неудивительно, что в полемику по жгучим вопросам древнейшего периода нашей истории внесено было много лишнего, способного запутать и осложнить и без того темный вопрос.

Я не успокаиваю себя тем, что мне удастся распутать этот сложный узел, мало склонен я и разрубать его. Мне хочется только сделать попытку использовать ряд достижений в нашей науке по данному предмету и подвести им некоторые итоги. Мне хотелось бы по мере сил критически подойти к различным сторонам общественной жизни нашего далекого прошлого, проверить показания различных источников, письменных и неписьменных, путем перекрестного их сопоставления и, таким образом, попытаться найти ответы на вопросы, поставленные современностью.

Вполне понятную для древнейшей поры нашей истории скудость письменных источников наша современная наука пытается восполнить путем привлечения к решению стоящих

---

¹⁰ М.В. Ломоносов. «Репорт» 16 сент. 1749 г. *Биллярский*. Материалы для биограф. Ломоносова. СПб., 1865, с. 760.

¹¹ С.А. Геденов. *Варяги и Русь*, I, с. VII и X.

перед нею задач новых и самых разнообразных материалов. Это – памятники материальной культуры, данные языка, пережитки самого русского народа, а также пережитки и быт народов нашего Союза, еще недавно стоявших на низших ступенях общественного развития, и пр. Но и расширение круга источников все же еще не дает нам возможности полностью разрешить стоящие перед нами проблемы и проникнуть в покрытое мраком далекое прошлое.

Археология, при всех своих больших успехах, особенно за последнее время, все же, в силу специфичности своего материала и методов его изучения, часто бессильна ответить на ряд стоящих перед нами вопросов; лингвистика не только ограничена в своих возможностях, но далеко не всегда дает нам даже то, что может дать. Сочетание данных археологии и лингвистики с привлечением фольклора, конечно, очень расширяет границы исторического знания, но, тем не менее, и этого недостаточно, чтобы спорные суждения превратить в бесспорную очевидность.

Нельзя себя утешать и тем, что с момента появления письменных памятников положение историка делается совершенно иным, что письменные источники способны окончательно вывести нас из области более или менее обоснованных предположений. Письменный источник имеет свои особенности, требует специального подхода и далеко не всегда гарантирует возможность решения спорных вопросов, исключаящую вполне законные сомнения.

И тем не менее, несмотря на все эти трудности, делающие наши исторические выводы в значительной мере условными, ни одно поколение историков не отказывалось погружаться в дебри сложных туманностей и искать в них истоки тех общественных явлений, которые никогда не переставали и едва ли когда-нибудь перестанут волновать человеческую мысль. Это не любопытство, а потребность.

В настоящих очерках рассматриваются общественные и политические отношения Древней Руси главным образом в тех рамках, в каких это позволяют прежде всего наши письменные источники. Другие виды источников привлекаются лишь отчасти и попутно.

Письменность появляется в отдельных обществах на довольно поздних ступенях их истории. Письменность у восточных славян появилась уже в классовом обществе, когда остатки родовых отношений бытовали в нем только в виде пережитков прошлого. Первые известные нам письменные памятники, договоры с греками, «Правды», летописи – связаны с интересами общества, уже порвавшего связи с родовым строем.

Договор с греками 911 г. упоминает о письменных завещаниях¹², которые могли делать русские, живущие в Византии. Если здесь можно допустить, что русские, живущие в Византии, могли писать завещания не по-русски, а по-гречески, то в договоре 945 г. русская письменность подразумевается с гораздо большей категоричностью. Русский князь обязуется снабжать своих послов и купцов, отправляемых в Византию, грамотами «пишуще сие: яко послах корабль селико». Грамоты должны служить гарантией, что послы и купцы прибывают к грекам именно от князя русского и с мирными целями.

Последнее исследование С.П. Обнорским языка договоров приводит автора к очень важному для истории выводу. Договоры 911 и 945 гг. отличаются один от другого по типу языка. Договор 911 г. пропитан болгаризмами, но писан он все же языком русским; в договоре 945 г. черты русского происхождения дают себя чувствовать достаточно широко. Отсюда вытекает предположение, что перевод договора 911 г. сделан болгаринном на болгарский язык, но этот перевод был выправлен русским справщиком; переводчиком договора 945 г. должен был быть русский книжник.

С.П. Обнорский приходит к убеждению, что оба перевода сделаны были в разное время (911-й, 945 г.), приблизительно совпадающее со временем заключения самих договоров¹³.

---

¹² А.А. Шахматов. Повесть временных лет, т. I, с. 39. Договор 911 года. 1916.

¹³ С.П. Обнорский. Язык договоров русских с греками. Сб. «Язык и мышление», VI—VII, с. 102—103.

Наличие русской письменности в начале X века, таким образом, становится как будто несомненным¹⁴.

Господствующие классы общества на всем значительном пространстве, занятом восточным славянством, во время составления используемых мною письменных памятников, т.е. в IX—XI вв., говорили приблизительно одним языком, тем самым, который мы можем видеть в этих памятниках, — где он лишь несколько искажен последующими переписчиками, — имели общее представление о своих интересах и способах их защиты и довольно рано (первые сведения IX века) успели связать себя общностью религиозных верований с соседней Византией.

Само собой разумеется, что те крупные факты, с которыми нас знакомят письменные памятники, имеют свою собственную и часто очень длинную историю, о которой умалчивают эти источники. Самый характер некоторых памятников, конечно, исключает возможность требовать от них «историчности», поскольку они часто имели целью только зафиксировать определенный, иногда очень ограниченный комплекс явлений данного момента, носящий, как всякий подобный комплекс, следы отмирающих и вновь возникающих элементов, не всегда, однако, легко распознаваемые.

Только автор «Повести временных лет» ставил перед собой подлинно широкую историческую задачу, которая, нужно сознаться, остается не вполне разрешенной и в настоящее время. Он хотел написать ни больше ни меньше, как историю Киевского государства с древнейших времен: «Откуда пошла Русская земля, кто в Киеве нача перве княжити и откуда Русская земля стала есть».

Летописец писал свой труд с определенной целью и в определенной политической обстановке. Ему нужно было показать в истории Киевской Руси роль княжеского рода Рюриковичей.

Отсюда понятной делается и склонность его к норманизму. А.А. Шахматову удалось показать, что на первых страницах «Повести временных лет» мы имеем переделку старых преданий о начале Русской земли, освещенную сквозь призму первого русского историка-норманиста, сторонника теории варяго-руси¹⁵.

Заранее можно сказать, что с летописной концепцией образования Русского государства нам придется очень значительно разойтись не только потому, что у нас разные с автором летописи теоретические представления об обществе, государстве и историческом процессе в целом, но и потому, что, имея перед собой определенную задачу, летописец сделал соответственный подбор фактов, для него полных смысла, для нас часто имеющих второстепенное значение, и совсем пропустил мимо своего внимания то, что для нас сейчас имело бы первостепенную ценность. Кроме того, все наши летописцы были связаны волей заказчиков, какими обычно являлись князья. Заказчиком той летописи, которая имеется в нашем распоряжении, был Владимир Мономах.

Летописец поместил в конце своего труда заметку о самом себе: «Игумен Силивестр святого Михаила написах книги си, «летописець», надеяся от Бога милость прияти, при князи Володимере, княжащю ему Кыеве, а мне в то время игуменящю у святого Михаила в 6624, индикта 9 лета. А иже чететь книги сия, то буди ми в молитвах»¹⁶.

Какой заказ мог сделать Владимир Мономах своему историографу, догадаться не трудно, если только мы сумеем правильно понять политическую ситуацию момента.

Для этого нам совершенно необходимо сделать небольшой экскурс в область политических отношений второй половины XI и начала XII вв. Нам необходимо познакомиться с

¹⁴ Очень интересно и убедительно пересматривает вопрос о начале письменности в России акад. Н.К. Никольский. «Повесть временных лет как историч. источник». 1930.

¹⁵ А.А. Шахматов. Повесть временных лет, т. I, с. XV, XXI и др. «Сказание о призвании варягов». Изв. отдел русского языка и словесности, т. IX, кн. 4, с. 285–365. Н.К. Никольский, с. 27.

¹⁶ Лаврентьевская летопись, под 1110 г.

людьми, делавшими тогда историю, с людьми, которые писали и для которых писалась тогдашняя история.

С середины XI в. достаточно ясно определились черты надвигающегося нового этапа в истории Киевского государства. Отдельные части «лоскутной» империи Рюриковичей в течение IX–XI вв. настолько созрели и окрепли, так выросли их собственные задачи внутренней и внешней политики, что киевский центр с киевским князем во главе не только перестал быть для них условием роста их богатства и силы, но в некоторых отношениях стал даже помехой дальнейшему их развитию и выполнению их собственных политических целей. Призрак распада Киевского государства стал совершенно очевидным. Отдельные князья начинают чаще и чаще проявлять свои центробежные тенденции и в своих противоречивых по отношению друг к другу интересах сталкиваются между собой, делая, таким образом, неизбежными «усобицы». Но княжеские «усобицы» – это не единственная опасность, грозившая феодалам. Это время насыщено восстаниями народных масс в разных местах Киевского государства.

Летописец, не склонный уделять много внимания массовым выступлениям, все же отмечает движения 1068-го, 1071-го, 1091-го и 1113 г. Последнее, по-видимому, было особенно сильным, и растерявшиеся господствующие классы киевского общества настойчиво зовут на Киевский стол самого энергичного и властного из князей, Владимира Мономаха. Мы отчасти знаем, что киевская делегация говорила Владимиру Мономаху: она запугивала его дальнейшим разрастанием народного движения.

Итак, положение правящих кругов Киева, русских князей (к этому времени сильно размножившихся), а также бояр, представителей Церкви, купцов и ростовщиков, оказалось сложнее и опаснее, чем они себе представляли. «Минули лета Ярославля», «стрелы по земле» уже были рассеяны. Во Владимире Мономахе растерянные верхи искали своего спасения.

Владимир прибыл в Киев и стал действовать разнообразными средствами: в ход были пущены репрессии, компромиссы, обращение к общественному мнению. 12 лет сидения Владимира на Киевском столе воскресили времена, когда Киев стоял во главе государства и держал в руках власть.

Несколько слов о Киеве, Владимире Мономахе, его дяде и отце. Эти несколько слов рассчитаны исключительно на создание правильной перспективы, необходимой для оценки событий и участвовавших в них людей.

О Киеве конца X – начала XI вв. говорит Дитмар как о большом городе, в котором было 400 церквей и 8 рынков и несметное множество народа. Адам Бременский во второй половине XI в. называет Киев соперником Константинополя. Митрополит Киевский Иларион в своем знаменитом «Слове» называет Киев городом, «блистающим величием», Лаврентьевская летопись под 1124 г. говорит, что в Киеве был грандиозный пожар, причем «церквий единых изгоре близ 600». Весьма вероятно, что здесь кое-что и преувеличено, но, несомненно, во всяком случае, что Киев в XI в. – один из больших городов европейского масштаба. Не случайно ему так много внимания уделяют западноевропейские хронисты. Двор киевского князя хорошо известен во всем тогдашнем мире, так как киевский князь в международных отношениях к этому времени успел занять весьма определенное место.

Киевский детинец. VIII—XIII вв.

Ярослав Мудрый находился в родственных связях с царствующими домами Англии, Франции, Германии, Польши, Скандинавии, Венгрии и Византии. Его дочь Анна была замужем за французским королем Генрихом I и активно участвовала в политической жизни Франции (была регентшей после смерти своего мужа). Ее собственноручная подпись славянскими буквами (Ана рѣина, т.е. Anna regina) имеется на латинской грамоте, выданной в 1063 г. от имени малолетнего французского короля Филиппа I. Внучка Ярослава Евпраксия – Адельгейда Всеволодовна (1071—1109) была замужем за императором Священной Римской империи Генрихом IV.

При дворе Ярослава жил изгнанник из своего королевства Олаф Норвежский, сын которого с русской помощью возвратил себе норвежский престол. При том же дворе жил и другой знаменитый викинг Гаральд, после громких военных походов в Сицилию и Италию ставший королем Норвегии и сложивший свою голову в Англии. Он был женат на дочери Ярослава – Елизавете. Как видно из английских «Законов Эдуарда Исповедника», в Киеве у Ярослава нашли себе приют сыновья английского короля Эдмунда Железный Бок – Эдвин и Эдуард, изгнанные из Англии датским конунгом Канутом.

Неудивительно, что в этой интернациональной обстановке дети Ярослава научились говорить на многих европейских языках. Нам хорошо известно, что Всеволод Ярославич, отец Владимира Мономаха, говорил на 5 языках. Всеволод был женат на греческой принцессе из дома Мономахов, его сын Владимир женился на дочери последнего англосаксонского короля Гите Гаральдовне, вынужденной бежать из Англии вследствие норманнского вторжения.

Я не могу сейчас приводить многочисленные факты участия Киева в европейской жизни государств и народов. Думаю, что и приведенные мною сведения, хотя и подобранные весьма однобоко, служат ярким показателем положения Киева в тогдашней Европе.

Таким образом, Владимир Мономах, к которому нам надлежит сейчас снова вернуться, жил в очень сложной, насыщенной европейской политикой атмосфере.

Он понимал толк в литературе, о чем свидетельствует его «Поучение», едва ли не навеянное соответствующими английскими образцами¹⁷. Он очень хорошо знал и политическое значение летописи. По прибытии в Киев он уже застал здесь летопись, составленную монахом Киево-Печерского монастыря, но эта летопись Мономаха не удовлетворила.

Мы не знаем, что собственно не понравилось Владимиру Мономаху в этой летописи, почему он счел необходимым переделать ее и передать дело в другие руки и даже в другое учреждение (из Печерского монастыря в Выдубицкий Михайловский монастырь), потому что эта старая летопись до нас не дошла, но зато мы можем догадаться, чего хотел Владимир Мономах от игумена Выдубицкого монастыря Сильвестра.

Кажется, Сильвестр справился со своей задачей, т.е. правильно понял требования момента. Владимир Мономах, во всяком случае, был доволен новым трудом и постарался выказать свое расположение к его автору: спустя два года он велел поставить его епископом своего наследственного города Переяславля, где Сильвестр и умер в 1123 г. Через его труд красной нитью проходит борьба с сепаратистскими тенденциями феодальной знати, стремление укрепить идею единства Русской земли, внедрить в сознание феодалов необходимость подчинения Киеву и киевскому князю.

Сильвестр пользовался трудами своих предшественников, где уже были даны некоторые схемы, полезные и для данного момента, нуждавшиеся только в некоторой переделке. Сильвестр мог прочитать в Новгородской летописи рассказ о том, как в Новгороде когда-то властвовали варяги и «насиле даяху словеном, кривичем и мерям и чюди»¹⁸, как эти угнетенные прогнали своих насильников и «начаша владети сами в собе и города ставити», как печально оказалось для них отсутствие сильной власти, когда после изгнания варягов они «всташа сами на ся воевать, и бысть меж ими рать велика и усобица и всташа град на град, и не беше в них правды»¹⁹.

Мы, к сожалению, не знаем, что было написано по этому предмету в еще более старой киевской начальной летописи, тоже не дошедшей до нас. Во всяком случае, Сильвестр в своем труде вычеркнул фразу новгородской летописи о насилиях врагов, не поместил он также и рассказа о восстании новгородцев против Рюрика, но использовал из трудов своих предшественников только то, что казалось ему нужным. Отсутствие твердой власти приводит к усобицам и восстаниям. Восстановление этой власти (добровольное призвание) спасает общество от всяких бед. Спасителями общества в IX в. явились варяжские князья, в частности Рюрик. Рюриковичи выполняли эту миссию долго и успешно, и лишь в конце XI в. снова повторились старые времена «всташа сами на ся, бысть меж ими рать велика и усобица». Призвание Мономаха в Киев летописцем, таким образом, оправдано. Отсюда следовал и логически правильный вывод: долг киевлян подчиняться призванной власти, а не восставать против нее. Усобица слишком хорошо была известна киевскому обществу второй половины XI в.

Понятно, почему мы должны относиться к сообщениям и рассуждениям Сильвестра весьма и весьма осторожно. Если даже он и передал нам факты насколько умел добросовестно, то использовал их в своих целях, соответственно осветив их.

Мы очень хорошо понимаем, почему летописец, поставивший в заголовке своего труда тему о происхождении киевских князей, главное свое внимание отдает Новгороду и варяжским князьям, и в частности князю Рюрику и его преемникам.

Увлеченный своей идеей и устремив все свое внимание на север, южный летописец поспешил на факты этого периода своей южной Полянкой истории, издавна связанной с

---

¹⁷ М.П. Алексеев. Англосаксонская параллель к Поучению Владимира Мономаха. Тр. отдела древнерусской литературы, т. II. Л.: Изд. Акад. наук, 1935.

¹⁸ Новгородская I летопись, с. 4, 1888.

¹⁹ Там же, с. 5.

хазарами и Византией гораздо больше, чем с варягами норманнами. Летописец – историк княжившей при нем в Киеве династии, прежде всего.

Вполне понятно, что, исполняя свою задачу, он старался показать роль не только современных ему Рюриковичей, но и далеких их предков, несомненно стараясь изобразить их в привлекательных чертах, иногда полемизируя с более правдивыми и ходячими представлениями о еще сравнительно не столь давнем прошлом, часто невыгодном для господствующего класса в целом и его верховного представителя, в частности. Положение писателя довольно понятное. Не один русский Нестор или Сильвестр находился в подобном состоянии. Английский летописец тоже, по-видимому, имел задачу облагородить происхождение власти своих королей и пользовался теми же приемами. Бритты обращаются к своим легендарным князьям с совершенно аналогичной речью: «*Terram latam et spatiosam et omnium regum copia refertam vestrae mandant ditioni parere*»²⁰.

Имея перед собой центральную политическую задачу, летописец разрешал ее при помощи доступных ему средств. И нужно прямо сказать, что средствами этими он пользовался по-своему далеко не плохо: он знает цену источнику, он умеет хотя и своеобразно, но критически к нему относиться, умеет отделять то, что ему представляется главным, от второстепенного. Но он, конечно, человек своего времени, своей среды и хорошо понимает политическое значение своего труда. Он понимает политическую – в смысле международных отношений – ситуацию момента и совершенно ясно проявляет тенденцию, которую можно характеризовать как поворот лицом к Византии с вытекающим отсюда следствием – затушевыванием старых связей со ставшим сейчас (после разделения церквей) еретическим и проклятым Западом²¹.

В распоряжении летописца находились письменные источники – греческие, западноевропейские, русские, а также предания, личные наблюдения как над окружающей его средой, так и над славянскими и неславянскими племенами, часто в своем развитии стоявшими ниже того общества, к которому принадлежал он сам. Он настолько недурно справился со своей темой, что его схемы в основном господствовали в нашей науке до недавнего времени, а частично не лишены значения и сейчас.

Было бы, конечно, странно требовать от летописца ответа на стоящие перед нами научные проблемы, но для решения их мы не можем обойтись без его труда, этого единственного в своем роде произведения. Перед нами стоит труднейшая задача – разложить весь этот труд летописца на составные элементы и использовать их для собственных надобностей. Работа необычайной сложности. А.А. Шахматов, его ученики и оппоненты пытались это сделать и, нужно отдать им справедливость, результатов достигли значительных, хотя далеко еще не достаточных. Можно надеяться, что их продолжатели путем привлечения археологических и языковых материалов продвинут работу еще дальше.

Несмотря на то, что работа в этом направлении только начата, мы все же попробуем использовать ее для того, чтобы представить себе, насколько возможно, главнейшие этапы в развитии общества, населявшего Восточную Европу в IX—XII вв. на различных участках этой огромной территории.

Необходимо заранее оговориться, что почти все наши письменные памятники касаются, прежде всего, территории по Волхову – Днепру, т.е. территории, на которой протекали главнейшие события этого периода, и почти не затрагивают более отдаленных от этой главной магистрали пунктов. Из этого, конечно, отнюдь не следует, что эти другие места, иногда более захолустные, не имели в это же время своей истории: и здесь, несомненно, текла своя жизнь, не попавшая только в своих проявлениях на страницы летописи, но, тем не менее, вскрываемая

---

²⁰ *Бестужев-Рюмин*. Русская история, I, с. 98, примеч. 3,16 .

²¹ *Н.К. Никольский*. Повесть временных лет.

систематической работой археологии. После работ А.А. Спицына²², А.В. Арциховского²³, А.Н. Лявданского²⁴, Б.А. Рыбакова²⁵, В.И. Равдоникаса²⁶, П.Н. Третьякова²⁷, М.И. Артамонова и др. – мы смело можем говорить о состоянии и характере хозяйства в древнейший период нашей истории, об изживании племенного строя, о зарождении классов, о некоторых чертах классовых отношений и религиозных представлениях населения как центрального междуречья, так и областей, лежащих к западу, северу и юго-востоку от главной водной дороги, так хорошо нам известной из русских летописей, из сочинения Константина Багрянородного, византийских и западноевропейских хроник (знаменитый путь «из варяг в греки»).

Тем не менее, ввиду неполноты и несистематизированности археологических данных наше внимание все же будут больше всего привлекать не «захолустья», а именно те места на территории Восточной Европы, которые лучше и полнее других освещены, прежде всего, письменными источниками, говорящими более доступным языком, чем вещественные.

Это совершенно неизбежно еще и потому, что именно в этих пунктах общественная жизнь обнаруживает наиболее яркие показатели основных контуров интересующего нас процесса, именно здесь мы, прежде всего, можем подметить те наиболее прогрессивные явления в истории народов, населявших тогда Восточную Европу, которые мы с полным основанием можем считать ведущими.

Что же мы хотим знать? С какими вопросами собираемся мы подходить к страницам нашей летописи, к древнейшим памятникам материальной культуры и другим историческим источникам?

Перед нами все та же, еще до сих пор не решенная проблема, которую ставил перед собой 900 лет тому назад наш первый историк, автор «Повести временных лет»: откуда пошла Русская земля, как она развивалась, через какие этапы своего роста она достигла настоящего своего состояния?

Не углубляясь пока в так называемое «доисторическое» прошлое Восточной Европы и касаясь только частично истории тех народов нашей страны, которые в своем развитии опережали славян и находились с ними в самых разнообразных формах общения, мы намерены главным образом остановиться на вопросах образования и истории Киевского государства с тем, чтобы вскрыть главнейшие моменты этой истории, общественные силы, ее творившие, условия, при которых она протекала.

Государство могло образоваться только тогда, когда распался родовой строй, когда на смену родовым отношениям пришли классы со своими противоречивыми интересами и сложными взаимными отношениями. Это нам хорошо известно. Мы только не можем точно ответить на вопрос, когда именно это происходило.

Однако если мы лишены возможности найти точные даты этих крупнейших фактов (в таком же положении неизбежно находится историк любой страны), у нас есть возможность произвести ряд наблюдений, по которым мы можем хотя только приблизительно, но все же наметить время этих важнейших сдвигов в истории народов, населявших и населяющих нашу страну. И письменные, и не письменные источники к нашим услугам. Но источник, какой бы он ни был, может быть полезен лишь тогда, когда исследователь сам хорошо знает, чего он от него хочет. Поэтому очень важно расчистить почву для решения основной задачи, твердо и

---

²² А.А. Спицын. Владимирские курганы. Зап. Археол. общ., т. XV.

²³ А.В. Арциховский. Курганы вятичей.

²⁴ А.Н. Лявданский. Некоторые данные о городищах Смоленской губ. Научн. изв. Смол. гос. унив., т. III, в. 3.

²⁵ Б.А. Рыбаков. Радзімічы. Працы секцыі археалогіі, т. III, Беларуская Акадэмія навук, Інст. гісторыі, Мінск, 1932.

²⁶ В.И. Равдоникас. Некоторые моменты процесса возникновения феодализма в лесной полосе Восточной Европы в свете археологич. данных. Основн. проблемы генезиса и развития феодального общества, с. 102—130. ГАИМК. 1934.

²⁷ П.Н. Третьяков. Подсечное земледелие в Вост. Европе, изд. ГАИМК. Расселение древнерусских племен по археологическим данным. «Советская археология», № 4.

четко установить главные положения, предпосылки дальнейшего исследования. И этой предпосылкой, прежде всего, является определение характера той общественной среды, которая подлежит нашему изучению.

В этой плоскости вопрос о системе и способах хозяйства в период распада родовых отношений, образования классового общества и формирования государства, о преобладании тех или иных отраслей его для нас не может быть второстепенным. А так как по этому предмету в нашей литературе имеются серьезные разногласия, то я считаю необходимым в первую очередь разобраться в этих противоречивых мнениях.

Еще писатели XVIII в. никак не могли сговориться о том, с чего начала Древняя Русь. В то время как кн. Щербатов или Шлецер готовы были рисовать наших предков X столетия «дикарями», чуть ли не бегавшими на четвереньках, находились исследователи, которым те же самые предки казались просвещенными европейцами в стиле того же XVIII в. Щербатов объявил древних жителей России прямо «кочевым народом». «Хотя в России прежде ее крещения, – говорит он, – и были грады, но оные были яко пристанища, а в протчем народ, а особливо знатнейшие люди упражнялись в войне и набегах, по большей части в полях, переходя с места на место, жили»²⁸. «Конечно, люди тут были, – рассуждал Шлецер, – Бог знает, с которых пор и откуда, но люди без правления, жившие подобно зверям и птицам, которые наполняли леса...». «Неправда, – возражал Щербатову и Шлецеру Болтин, – руссы жили в обществе, имели города, правление, промыслы, торговлю, сообщение с соседними народами, письмо и законы»²⁹. Этот спор в несколько иной форме перешел и в XIX в. и дожил до XX в.

В.О. Ключевский, М.В. Довнар-Запольский и Н.А. Рожков, с одной стороны, с другой – М.С. Грушевский, М.К. Любавский, Ю.В. Готье и М.Н. Покровский в XX в. еще продолжали спор о том, чем и как занимались славяне в древнейшую известную нам пору своего существования, что было основной экономической базой их существования. М.С. Грушевский, Ю.В. Готье, в значительной степени М.К. Любавский и, наконец, весьма решительно М.Н. Покровский настаивали на том, что основой древнеславянского хозяйства было земледелие, между тем как В.О. Ключевский, М.В. Довнар-Запольский и Н.А. Рожков считали земледелие совершенно второстепенным занятием и на первое место выдвигали охоту на пушного зверя.

В последнее время С.В. Бахрушин занял в этом вопросе позицию компромиссную³⁰.

Совершенно очевидно, что это – проблема величайшей важности, от правильного разрешения которой зависит в значительной мере и ответ на основной вопрос, стоящий в данный момент перед нами.

---

²⁸ М. Щербатов. История Российская, т. I, с. 11, примеч. 1794.

²⁹ М.Н. Покровский. Русская история с древн. времен, т. I, с. 1—2.

³⁰ С.В. Бахрушин считает, что земледелие у приднепровских славян, существовавшее и раньше, приобрело господствующее значение только с XI в. См.: «Историк-марксист», кн. III, с. 168.1937.

II. Место сельского хозяйства в хозяйственной системе Древней Руси

«История нашего общества изменилась бы существенно, если бы в продолжение восьми-девяти столетий наше народное хозяйство не было историческим противоречием природе страны. В XI в. масса русского населения сосредоточивалась в черноземном среднем Поднепровье, а к половине XV в. передвинулась в область верхнего Поволжья. Казалось бы, в первом крае основанием народного хозяйства должно было стать земледелие, а во втором должны были получить преобладание внешняя торговля, лесные и другие промыслы. Но внешние обстоятельства сложились так, что пока Русь сидела на днепровском черноземе, она преимущественно торговала продуктами лесных и других промыслов, и принялась усиленно пахать, когда пересела на верхневолжский суглинок. Следствием этого было то, что из обеих руководящих народнохозяйственных сил, какими были служилое землевладение и городской торговый промысел, каждая имела неестественную судьбу, не успевала развиваться там, где было наиболее природных условий для ее развития, а где развивалась успешно, там ее успехи были искусственны...»³¹ Давно уже и наша археология и историческая наука в целом начали указывать на «неестественность» и «искусственность» этого построения Ключевского, но, тем не менее, у многих представителей нашей науки этот предрассудок еще продолжает держаться (Довнар-Запольский, Лященко, Рожков). С особенной силой выступил на защиту этого положения Н.А. Рожков. Он сделал попытку обосновать его целым арсеналом документальных доказательств, и, конечно, это обстоятельство обязывает нас ближе присмотреться к самому предмету и к системе защиты положений, выдвинутых недавно умершим историком.

По его мнению, земледелие в древнейшей Руси не только не господствовало, но и не было даже очень важной отраслью хозяйства.

«Кий, Щек и Хорив³² по преданию, занесенному в начальную летопись, были звероловами. Северяне платили дань хазарам по шкурке белки с дыма. Олег, подчинив в 883 г. древлян, положил на них дань по черной кунице с дыма.

По словам арабского писателя Ибн-Хардадбе, жившего во второй половине IX в., русские вывозили из своей страны меха выдры и черных лисиц, т.е. продукты звероловства. В 945 г. Игорь, отпуская от себя византийских послов, заключивших с ними договор, одарил их тем, чем сам был богат, главным образом, мехами. То же самое обещала дать в дар византийскому императору при своем крещении княгиня Ольга. Ей же приписывается устройство княжеских «ловищ», т.е. приспособлений для охоты на зверей в землях древлянской и новгородской, и «перевесищ» – приспособлений для ловли птиц – по Днепру и Десне. Древляне, осажденные Ольгой в Коростени, предлагали ей дань «скорою», т.е. мехами. По словам Святослава, одним из главнейших богатств Руси были меха»³³. Дальше тот же автор делает указания на пчеловодство и рыболовство, снабжая свои рассуждения ссылками на соответствующие места многочисленных источников. И, тем не менее, согласиться с такими положениями автора невозможно.

Легенда о Кие, Щеке и Хориве использована Н.А. Рожковым не совсем верно. Летописец приводит три варианта сведений о них и особенно о первом из братьев. Сам летописец отдает предпочтение последнему варианту, по которому Кий является князем, путешествует в Византию и принимает там «велику честь... от царя». И мы не можем не согласиться в данном

³¹ В.О. Ключевский. Боярская дума Древней Руси, изд. 5, с. 11.1919.

³² Цитирую Рожкова как автора, более детально аргументирующего эти положения.

³³ Н.А. Рожков. Русская история, т. I, с. 76—77.

случае с летописцем: из всех трех версий предположение о том, что Кий был у полян одним из князей, подобных тем, о которых говорит Маврикий Стратег или которых упоминает летописец, наиболее вероятно.

Стало быть, звероловство здесь весьма сомнительно. Платеж дани мехами, конечно, говорит только о наличии мехов и об их ценности, и больше ни о чем³⁴. Необходимо, наконец, пересмотреть и обычное понимание некоторых слишком хорошо знакомых и традиционно толкуемых мест летописи. К числу их относится и известное место под 859 г. о том, что «козари имаху на полянех и на северех и на вятичех, имаху по белей веверице от дыма». Но не правильнее ли будет читать «по беле и веверице», где «бель» будет серебряная монета? Тогда наше представление об этих племенах и характере их обложения представятся нам в другом свете³⁵. Для решения этого вопроса совершенно необходимо в первую очередь обратить внимание не на предметы, которыми покоренное население облагалось в виде дани, а на единицу обложения. Это есть дым, или дом, рало, плуг. Дым, или дом, – это, несомненно, оседлое хозяйство – очаг, двор, индивидуальное хозяйство, поскольку оно облагается как особая хозяйственная единица. Плуг или рало говорят сами за себя. Все эти термины, в сущности, обозначают одну и ту же единицу обложения, в основе которой лежит сельское хозяйство.

Вятичи в 964 г. говорили Святославу: «Козаром по щяльгу от рала даем». То же видим и несколько позднее: в 981 г. Владимир «вятичи победи и возложи на ня дань от плуга, яко же и отец его имаше»³⁶. Мы имеем, правда, несколько более позднюю расшифровку этой земледельческой единицы обложения. Гельмольд (XII в.), рассказывая о западных прибалтийских славянах, между прочим, сообщает, что «существует у оботритов епископская подать, которая заменяет десятину, а именно: от каждого плуга, т.е. от двух волов или одного коня – мера хлеба, 40 мотков льна, 12 нумм доброй монеты (XII nummi probatae monetae)...»³⁷

Если единица обложения в данном обществе получила свое происхождение от главного пашенного орудия производства, то совершенно очевидно, что мы имеем дело с обществом безусловно земледельческим.

Эти наши соображения мы можем очень хорошо проверить, если сопоставим приведенные факты с предметами материальной культуры, постоянно находимыми при раскопках.

В этом отношении у археологов нет разногласий.

В своей работе «Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена» археолог В.В. Хвойка делает опыт подведения итогов многочисленных данных археологических раскопок в Среднем Поднепровье, т.е. в районе для нас особенно интересном, поскольку здесь образовался центр «варварского» русского государства. Не только для «славянской эпохи» (терминология В.В. Хвойка. – *Б.Г.*), но и для периодов более ранних В.В. Хвойка с уверенностью говорит о господстве здесь земледелия. «Итак, мы видели, – подводит итоги Хвойка, – что обитатели Среднего Приднепровья славянской эпохи знали многие отрасли производства, но ремесла не составляли главной формы труда местного населения. Первенствующая роль принадлежала все-таки земледелию и скотоводству. Это подтверждается весьма частыми находками сельскохозяйственных орудий – железных паральников, мотыг, серпов, кос и др. орудий, находимых в городищах и могильниках этого времени, а также и находками огромного количества зерен хлебных злаков, нередко хранившихся в осо-

³⁴ Св. Мариан, основатель монастыря в Регенсбурге (в 1075 г.), был у киевского князя Святослава и от него, а также и от других знатных лиц «богатейшего города Киева, получил в подарок драгоценные меха ценою в 100 фунтов серебра; увезя их на телегах, он благополучно вернулся вместе с купцами в Регенсбург». Эти меха там были проданы, и на вырученные деньги сооружена монастырская крыша. Vita S. Mariani. *М.Э. Шайтан*. Германия и Киев в XI в. Летопись занятий Пост, ист.-арх. комиссии, 34, с. 22.

³⁵ В Ипатьевской летописи, под 1257 г.: «Данило посла Коснятина... да побереть на них (ятвягах) дань. Ехав же Коснятин, пойма на них дань: черные куны и бель сребро, и власть ему...»

³⁶ Лаврентьевская летопись, под 964 и 981 гг.

³⁷ Helmoldi. Chronica Slavorum, lib. I. Monumenta Germaniae histodca, t. XXI, p. 21.

бых помещениях. В жилищах, как обнаружило исследование древних построек, уничтоженных пожаром, в отделении, соседнем с жилым помещением, нередко оказывались целые слои поджаренных хлебных зерен – пшеницы, ячменя, ржи и проса; иногда они находились в деревянных обгоревших кадках и бочках. В некоторых случаях, напр, в Шарковском (Шаргородском) городище, хлебные зерна были обнаружены в специальных зернохранилищах, устроенных в отделении, находившемся по соседству с жилым помещением. Зернохранилища эти представляли собой круглую выкопанную в желтой материковой глине яму со сводчатым верхом, в котором находилось отверстие; стенки такой ямы были докрасна обожжены»³⁸. «Славянскую эпоху» В.В. Хвойка начинает после «великого переселения народов», т.е. его наблюдения идут в глубь веков – задолго до образования Киевского государства.

Оказывается, та же картина характерна не только для Среднего Поднепровья.

Едва ли не самым замечательным археологическим открытием наших дней следует считать раскопки П.Н. Третьяковым укрепленного поселка в устье р. Сонохты, впадающей в Волгу, в 20 км ниже устья р. Шексны вблизи дер. Березники. Раскопки производились в 1934—1935 гг. Поселок возник приблизительно в III—IV вв. нашей эры, погиб вследствие большого пожара около IV—V столетия. В этом укрепленном поселке 11 построек, из коих 5 жилых изб, 1 большое общественное здание, 2 помещения, связанных с производством и обработкой металла, 1 ткацкая изба, 1 помещение для хранения и размола зерна и 1 – погребальное.

Для нас в данном случае весьма важно отметить, что люди этого поселка питались хлебом и занимались подсечным земледелием, о чем свидетельствует не только наличие особой хлебной избы, но и орудий производства: специальные топоры для срубания деревьев, серпы, зернотерки. Какие именно хлебные злаки здесь возделывались, установить не удалось. Зато по косвенным данным устанавливается культура льна, из которого ткались полотна. Рядом с земледелием тут имеются явные следы и других отраслей хозяйства – охоты, рыболовства, добычи и обработки металла, прядения, гончарного дела, работы по дереву и др. Перед нами, очевидно, коллектив родственников, ведущих свое многостороннее хозяйство³⁹.

Работа П.Н. Третьякова одним этим объектом изучения (Березники) не исчерпывается. Он раскопал много поселков в Верхнем Поволжье и более позднего времени (VII—IX вв.) и пришел к выводу, что земледелие господствует в этом районе безраздельно и что характер земледелия постепенно меняется. Подсека, т.е. земледелие досошное, постепенно сменяется сошным, пашенным. Оснащенной железным наконечником сохе предшествует деревянное рало. Лошадь, которая в старое время употреблялась в пищу, в связи с этими переменами становится необходимой для земледелия тягловой силой и служит пищей лишь в очень ограниченной мере. Этот перелом в технике земледелия, т.е. переход от подсечного к пашенному земледелию, падает, по наблюдениям автора, приблизительно на VII—VIII вв.

Вместе с тем он отмечает и перемену в формах поселений. На смену укрепленным городищам идут неукрепленные, но зато более крупные поселки, причем родственные коллективы сменяются коллективами, объединяемыми общностью хозяйственных интересов.

Вопрос об этнической принадлежности населения этих поселков, для данного случая не первостепенный, мы оставляем пока в стороне.

В 1929 г. украинский археолог А. Федоровский раскопал Донецкое городище в 7 км от Харькова, у с. Карачевки, на правом берегу р. Уды. Это городище более позднего времени – XI—XII вв. Тут мы имеем уже не подсеку, а настоящее пашенное земледелие. А. Федоровский нашел здесь полный ассортимент хлебных злаков (просо, рожь, ячмень, пшеницу мягкую и твердую, гречу), а также лен и мак, нашел жернова, зернотерку, четыре серпа. Но самое главное, на что он в своем отчете обратил особое внимание, – это то, что вся поверхность селе-

³⁸ В.В. Хвойка. Древние обитатели Среднего Приднепровья, с. 61. Киев, 1913.

³⁹ П.Н. Третьяков. Доклад в группе истории Академии наук СССР 26 апреля 1938 г.

ния покрыта ямами разной глубины, предназначенными для хранения зернового хлеба. Он раскопал около 80 таких ям, и это еще не все, так как раскопки не закончены. Стенки этих ям тщательно выглажены, кое-где заметны следы лопат, кое-где видны следы глины и извести, имеются остатки березовой и сосновой коры, которой выстилались когда-то эти ямы. В целом ряде ям были обнаружены обуглившиеся зерна хлебных злаков. «Русская Правда» и летопись тоже упоминают о таких хлебных ямах⁴⁰. А. Федоровский относит их к древнейшему слою своих раскопок XI—XII вв. Автор пробует объяснить огромное количество этих ям тем, что ими можно было пользоваться только определенное, ограниченное время, так как в них разводились бактерии, портившие хлеб, после чего приходилось яму забрасывать и делать новую. Весьма вероятно, что догадка автора имеет основание, но нельзя не сделать дополнительно и другого заключения о том, что здесь мы имеем доказательства господства сельского хозяйства в данном районе вообще и, в частности, в данном селении. Иначе нельзя объяснить заботы об устройении этих ям и их количества.

Ассортимент хлебных злаков говорит о том же⁴¹. Совершенно очевидно, что земледелие и на этой территории существует не со вчерашнего дня, что для развития всех перечисленных культур требуется время, измеряемое не десятилетиями, а столетиями⁴². Что эти находки А. Федоровского не исключительны и что Харьковский район в этом отношении не единственный, видно из археологических данных раскопок и более старого периода, и современных.

В раскопках северянских курганов Самоквасов давно уже отмечал факты, вполне подтверждающие это наблюдение Федоровского и сообщения летописи. И там серпы и три сорта хлебных зерен указывают, по его мнению, на земледельческий быт северян⁴³. К таким же выводам приходят и Гамченко на основании раскопок в урочище Струга⁴⁴ и Антонович по данным раскопок древлянских курганов⁴⁵. Раскопки селения Райки (10 км от Бердичева) подтверждают то же. Эти раскопки замечательны тем, что дают нам не случайно сохранившийся вещевой материал, а полный домашний обиход населения, катастрофически погибшего в начале XIII в. Тут мы имеем полный ассортимент орудий сельского хозяйства: лемехи разных типов, серпы, косы, путы для лошадей; большое разнообразие хлебных злаков: просо, овес, рожь, горох, вика, а также мука, пшено, конопля и мак. Большое количество цилиндрических замков говорит о том, что мы имеем дело с обществом, где весьма развит институт частной собственности с его спутниками – имущественным неравенством и специфическими преступлениями. То же мы имеем по Роси, в так называемой Княжьей горе, поселении, относимом археологами к XI—XII вв. Здесь найдены различные орудия производства с преобладанием сельскохозяйственных (177 предметов), среди них имеются плуги.

Исследователь Ковшаровского городища (Смоленской губ.) говорит о сельском хозяйстве здесь в XI—XIII вв. совершенно определенно: «Главным занятием жителей было сельское хозяйство». Найденные в городище обуглившиеся (от пожара) зерна, главным образом ячменя (2—3 вида), меньше овса (1—2 вида) и пшеницы, мотыги с серпами и жерновами служат этому ярким подтверждением. Не найдено лишь остатков сохи, которая, несомненно, уже существовала. Возделывали и лен, отпечатки ткани из которого хорошо сохранились на обожженной глине. Несомненно, были, но не сохранились и огородные растения. Были и домашние животные (лошадь, корова, овца, свинья, собака и пр.), кости которых найдены в городище. Хлебные зерна, найденные в этом городище, были обследованы специалистом К.А. Флаксбергом⁴⁶, кото-

⁴⁰ «Оже крадут гумно или жито в яме...» «Правда Русская», Карамз. список, ст. 40.

⁴¹ Хроника археологии та мистецтва, ч. I, с. 5—10. Всеукраинская Академия наук. Киев, 1930.

⁴² За разъяснения, данные мне по этому предмету, приношу большую благодарность Н.И. Вавилову.

⁴³ Д.Я. Самоквасов. Северянские курганы. Тр. III археол. съезда, т. I, с. 219 и др.

⁴⁴ Чтения в историч. общ. Нестора Летоп., кн. XIII.

⁴⁵ В.Б. Антонович. Раскопки в стране древлян // Мат. по археолог. России, № 11, с. 15. СПб., 1893.

⁴⁶ К.А. Флаксберг. Хлебные зерна из Ковшаровского городища, Гриневской вол., Смоленского уезда. Там же, с. 250—254.

рый пришел к заключению, что здесь возделывались, главным образом, яровые хлеба и больше всего ячмень, но он же подчеркивает, что отсутствие ржи среди зерен, найденных в раскопках, не позволило ему высказаться относительно сельского хозяйства более определенно.

Конечно, отсутствие точных данных о сохе и об озимых хлебах, если оно не случайно, наводит на мысль о более отсталой системе земледелия, чем в Киевщине и в Волжско-Камском районе, где сошники найдены в слоях X в., и, может быть, даже в Новгороде. Впрочем, сам А.Н. Лявданский⁴⁷ не сомневается, что в XI в. соха с железным наконечником в Смоленщине уже известна. Приблизительно то же мы имеем и в земле радимичей, недавно подвергшейся тщательному обследованию Б.А. Рыбакова. На основании изученных им раскопчных материалов около 150 курганов он приходит к весьма определенному выводу о том, что земледелие было основным занятием радимичей, что они стремились занять наиболее плодородные черноземные части территории. Охота составляет едва заметное занятие, которое не оставило в курганных раскопках никаких следов.

Автор указывает также на то, что здесь сеялись не только хлебные злаки, но и технические культуры, и прежде всего лен. Дань, платимая радимичами по одной шкурке с дыма, тоже говорит о ничтожных размерах охотничьего промысла. Сторонников теории о господстве здесь охоты не спасает и обычно приводимый ими относящийся к 1150 г. факт платежа смоленскому епископу десятины лисицами, так как и в XVI в., когда относительно места земледелия в хозяйстве этого края уже нет споров, мозырский наместник продолжал собирать с населения мед и «по лисице с каждого дыма». За время X—XII вв. здесь, правда, не найдено металлических сошников; в изобилии имеются топоры, серпы, косы-горбуши. Отсюда можно было бы сделать вывод о преобладании подсечной системы, что не противоречило бы нашему представлению о радимичах и вятичах как о племенах отсталых в своем развитии по сравнению с другими славянскими племенами. Красочное изображение летописцем этих лесных жителей, живущих «зверинским обычаем», хорошо известно всем. Необходимо, однако, иметь в виду, что Б.А. Рыбаков не обследовал радимичских городищ, а изучал только могилы. Работы того же Б.А. Рыбакова над археологическими материалами дреговичей, в своем развитии недалеко ушедших от радимичей, позволяют говорить более решительно о пашенном земледелии или, во всяком случае, о более высоких формах подсечной системы у дреговичей даже в IX в., если не раньше⁴⁸

---

⁴⁷ А.Н. Лявданский. Некоторые данные о городищах Смоленской губ. Научн. изв. Смол. гос. унив., т. III, вып. 3, с. 247. Смоленск, 1926.

⁴⁸ Б.А. Рыбаков. Радзімічы. Працы секцыі археалогіі, т. III, Беларуск. Акадэмія навук, Інст. гісторыі. Мінск, 1932 (также выпускание 28 октября 1934 г. в заседании МОГАИМК).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.